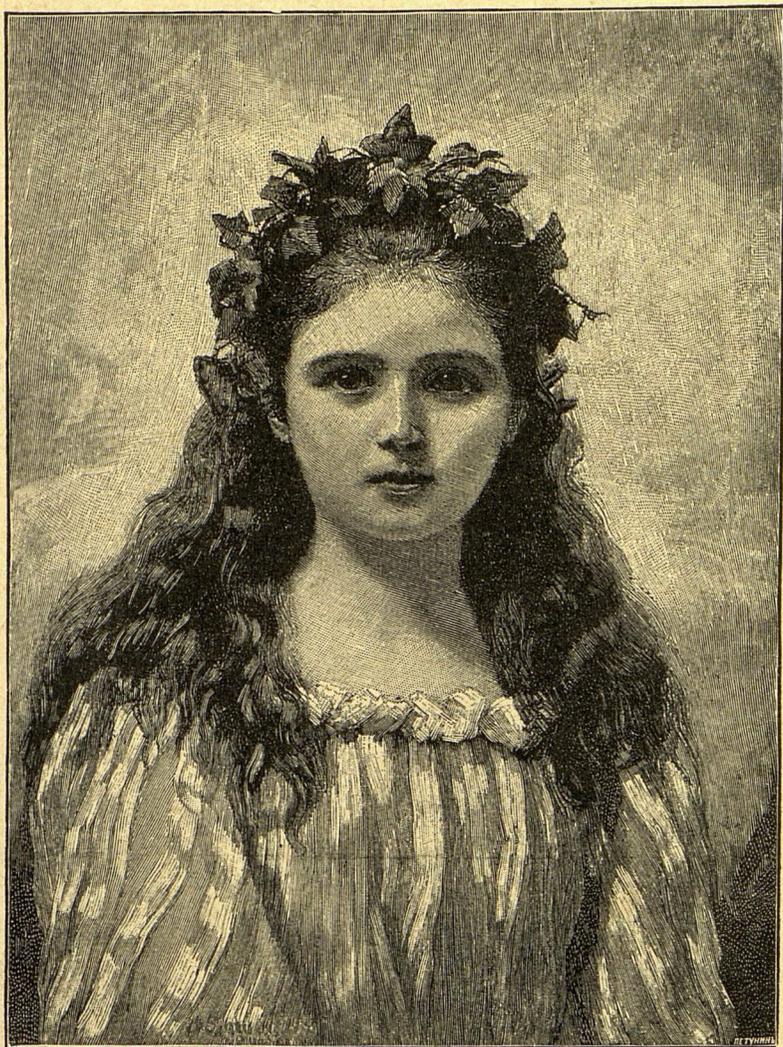
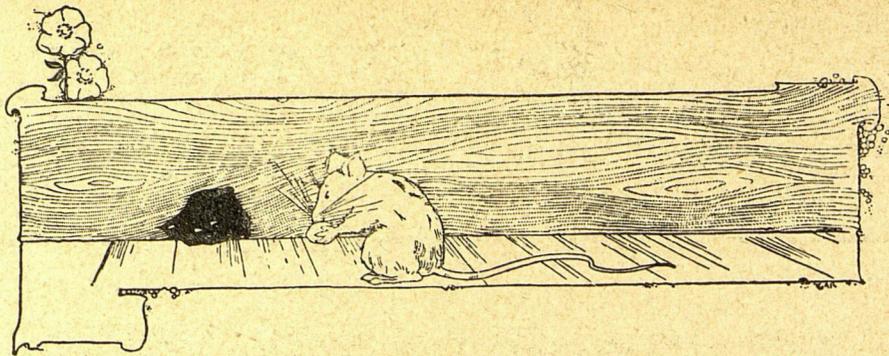

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 11.

Полевой цвѣтокъ.

КОТЪ И МЫШИ.

(Посмертная сказка Н. А. Соловьева-Несмѣлова.)

Пришли сумерки. Въ столовой, — маленькой и низенькой комнатѣ, только что покормили дѣтей манной кашей, молочкомъ съ булочкой; была и холодная котлетка для старшаго мальчика.

Маленькая Маруся мелко-мелко искрошила свой кусочекъ булочки и, шаловливо хлопая пухлой ладонью, пискливо выкликнула:

— Ахъ, какъ хорошо! — и столкнула взмахомъ руки много крошекъ подъ столъ.

— Манечка, милая мышка, не сори хлѣбецъ! — остановила ее няня.

— Я, нянечка, только малость мышкамъ бросила, онѣ голодны, имъ вѣдь булочникъ не носить хлѣбца... Я нынче видѣла утромъ, — одна

малюсенькая мышка проворно тутъ бѣгала, искала,—ничего не нашла.

— Видно, кота Васьки не было,—а теперь вонъ лежитъ онъ въ креслѣ, подѣ бѣду ты мышку-то подводишь, не быть ей живой отъ его лапъ.

— Онъ сытъ, я его много кормила, не станетъ онъ ѣсть мышку.

— Ээхъ, дитятко, и сытый котъ играетъ съ мышкой, а кошкины игры—мышкамъ слезы.

Дѣти—уже въ дѣтской, каждый въ своей кроваткѣ, кто шепчетъ самъ съ собой, закрывши глаза, кто держитъ пальцы на вѣкахъ такъ крѣпко, что видитъ и при закрытыхъ глазахъ, какъ у него подѣ пальцами ходятъ зеленые и разноцвѣтные круги, искрятся огоньки, кто думаетъ, какую на него надѣнуть рубашечку, — красную или палевую, завтра вѣдь праздникъ, и что будетъ на третьѣ блюдо въ обѣдѣ—пирогъ съ яблоками, пуддингъ или кисель? Хорошо бы пуддингъ,—давно его не было...

Въ столовой темно. Въ дѣтской [чуть-чуть только мигаетъ лампадка у иконъ. Тишина. Дѣти нынче скоро заснули.

Изъ одного, другого, третьяго уголка свѣтятся уже маленькіе, бойкіе глазки, мышки уже

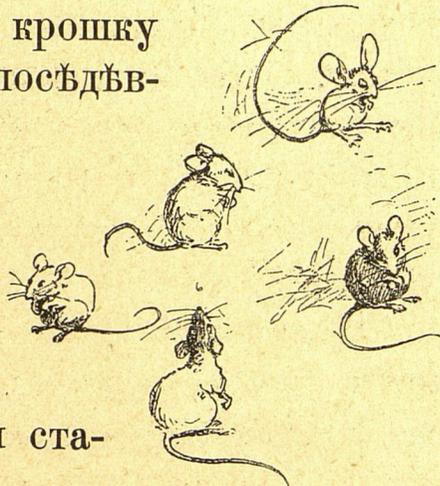
выглядываютъ изъ подполья,—и побѣгать имъ хочется на просторѣ въ огромной для нихъ столовой, и ѣсть хочется, страшно хочется ѣсть! Цѣлый день во рту не было ни крошки, грызли дерево въ подпольѣ, но отъ этого сытъ не будешь,—вострили только зубы.

— Пши!—пискнула старая мышь въ подпольѣ и сцѣпила за хвостъ молодую, сбросила назадъ, сама присѣла на ея мѣсто въ уголокъ, проворчавъ тихо про себя:—глупая, лѣзетъ впередъ!.. Трусиха, а лѣзетъ, какъ разъ налетитъ на бѣду!—и она поводила мордочкой, нюхая воздухъ и озираясь въ темнотѣ; она чуяла, что котъ близко, хотя и не видѣла его.

Маленькая мышка Матреша, сердито вцѣпилась ей въ ногу и такъ больно укусила, что старая мышь Авдотья отчаянно пискнула и пулей вылетѣла впередъ, въ столовую. Матреша сѣла на ея мѣсто.

На креслѣ котъ Василій чуть-чуть вытянулъ заднюю ногу и полуоткрылъ лѣвый глазъ, подумавъ:—„Дуры! ишь грызутся, вотъ я помирю васъ! Пожалуйте-ка сюда, торопиться не будемъ! Дадимъ мыши ходъ! Соберется побольше, тогда и увидимъ, съ которой начать игру нашу!“

Мышь Авдотья, живо обѣжавъ столовую, чую кота, но, не видя его, проскользнула подъ столъ, сцѣпила тамъ крошку, наскоро проглотила ее, забрала было другую... а надъ ея острой мордочкой вертѣлась уже маленькая мышка Матреша; Матреша была такъ голодна, что, замѣтивъ крошку у тетушки Авдотьи въ посѣдѣвшемъ усикѣ, живо схватила ее, прокусивъ ей немного и верхнюю губу; тетушка дала ей такую увѣсистую пощечину, что разомъ раздавался отчаянный пискъ и старой, и молодой мыши.

Это совсѣмъ взбѣсило кота Василия,—полное вѣдь неуваженіе!.. Вотъ и будь снисходительнымъ къ каждому мышенку, такъ, чего добраго, онъ тебѣ на голову прыгнетъ!

Бррр! батюшки, воры! въ собственномъ домѣ и при немъ самомъ, Василии Ивановичѣ, и крошки таскать безнаказанно и буйствовать еще,—полное неуваженіе!

И онъ мѣшкомъ свалился съ кресла, бросившись и туда, и сюда, желая сгрудить ра-

зомъ обѣихъ мышей, но онѣ змѣйками отъ него разбѣжались и до того растерялись, что обѣ столкнулись въ одномъ и томъ же уголкѣ. Минута, котъ былъ тамъ, мышки снова бросились отъ него, и началась игра.

Старая мышь Авдотья, видя, что маленькая мышь Матреша задыхается отъ страха и устали, рѣшила отвадить отъ нея кота, такъ, быть можетъ, что-нибудь да какъ-нибудь онѣ и выиграютъ, хоть время проведутъ,—надежда поддерживаетъ вѣдь и слабыхъ,—авось, обѣ улизнуть!

И она стала, не подпуская близко, метлешиться у него въ глазахъ; ужъ котъ разъ даже такъ ударилъ передней лапой еѣ по спинѣ, что у нея изъ глазъ посыпались искры. Матреша совсѣмъ было попалась въ лапы, напрягла послѣднія силы и сунулась снова въ свой уголь; котъ былъ тамъ, только на секунду Матреша упредила его; она скользнула въ норку, но, ахъ! жестокая боль, словно огонь, разлилась по всему ея маленькому тѣлу...

Что это,—неужели онъ ее сцапалъ? Нѣтъ! она свалилась въ подполье на всѣ четыре лапки, въ зубахъ кота остался только ея хвостъ, красивый хвостъ! Но она лежала безъ чувствъ.

чуть-чуть только замѣтно было, что она еще дышала!

Сбѣжалось все подполье, во всѣхъ углахъ тамъ уже пищали:

— Матрешу котъ загрызъ! И такъ искромсаль, такъ избѣль, что теперь ее и не узнаешь! Что-то бросиль отъ нея прямо въ щель, не знай—голову, не знай—лапки!

— Ну, вотъ и не такъ говорите вы, молодые мышата!—отбѣль онъ только правый бокъ, а голова и лапки на мѣстѣ! Она ему прокусила ухо, онъ ее и выпустиль; смѣлая Матреша, вишь ты, на кота пошла! Съ котомъ сцѣпилась, шутка ли!

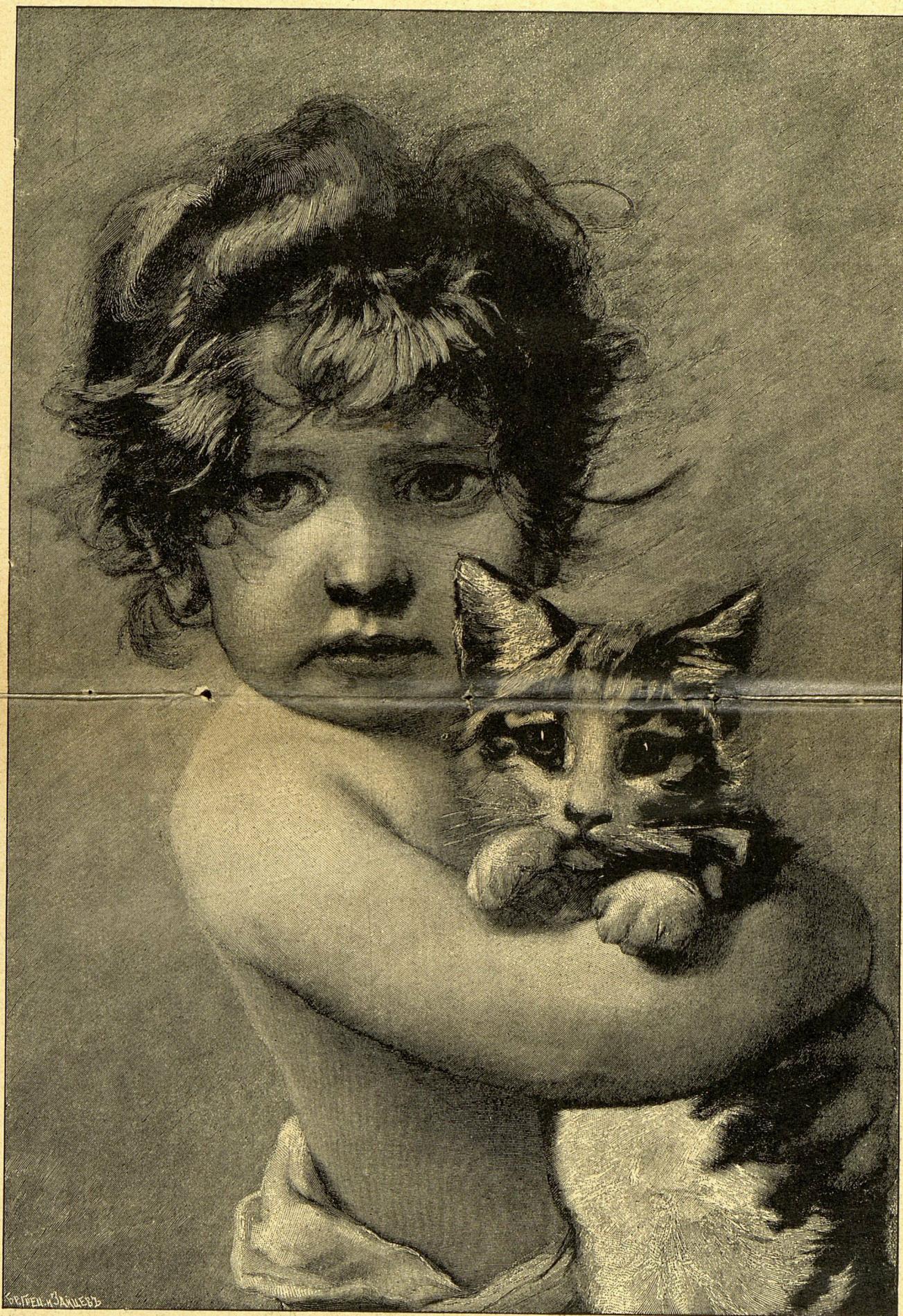
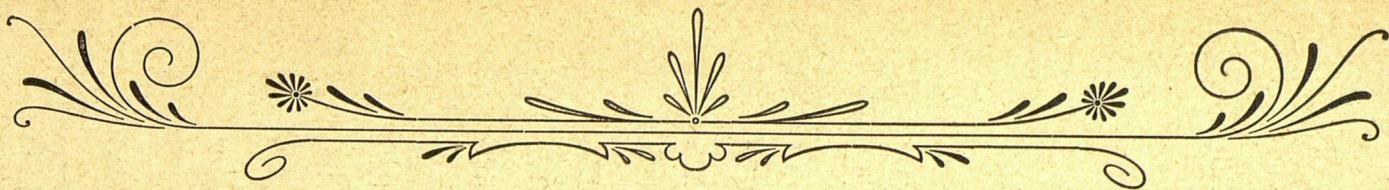
— Все это сказки, кумушки! Ужъ гдѣ котъ объявился, мыши тутъ съ нимъ рядомъ не сидѣть, поиграть онъ поиграеть, а живую изъ лапы не выпустить!

— Анъ, бабушка Василиса, мышъ ты старая, а лжешь тоже! Посмотри, вонъ она бѣгаетъ!

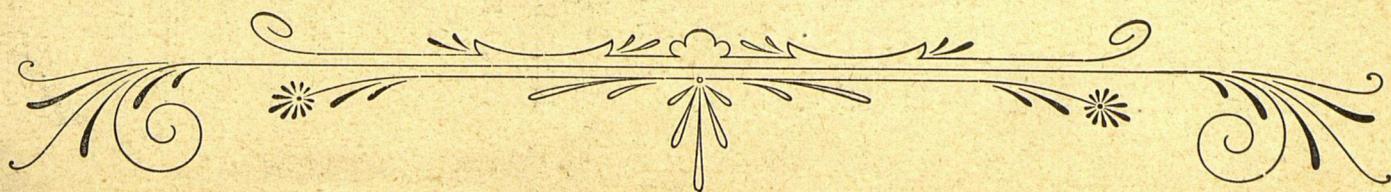
— Забѣгала, скажешь тоже!

— Да, бѣгаетъ; безъ хвоста только, а бѣгаетъ!

— Ну, а я то что же пищала? что цѣлую мышку котъ не пустить, ну, и выходить—безъ хвоста, а безъ хвоста мышъ—развѣ мышъ?

Ни́кому не отдамъ!..

Хвостъ для мыши—все: нѣтъ у мыши хвоста,— нѣтъ и мыши! Развѣ теперь кто у насъ съ ней будетъ возиться изъ нашего общества, съ безхвостой-то? Нѣтъ ужъ, сударка, полѣзай опять къ коту, играй тамъ, а намъ безхвостой мыши не нужно! Этакій позоръ! Я много лѣтъ живу на свѣтѣ, въ которомъ подпольѣ принята уже съ честью, а такого позора, чтобы съ безхвостой жить,—не приходилось! Коть можетъ каждую изъ насъ загрызть, отъѣсть голову, исцарапать до смерти, а хвостъ отъѣсть и пустить живой,—этого сраму въ мышиномъ мѣрѣ не бывало! И это съ молодой мышью!

Маленькая мышь Матреша, дѣйствительно, бѣгала безъ хвоста; она все еще дрожала отъ пережитаго страха и понять не могла, отчего отъ нея всѣ сторонятся...

А въ столовой наверху шла отчаянная возня.

Коть Василій страшно волновался, что упустилъ маленькую мышку, грызъ въ зубахъ ея хвостъ, словно досаждалъ себѣ этимъ за свою глупость, что онъ не вытащилъ за хвостъ мышку, какъ это съ нимъ не разъ бывало, а отгрызъ его и пустилъ ее на свободу.

Старая мышь Авдотья, хитрая изъ всѣхъ мышей этого подполья, ловко спряталась въ

гардинѣ и смѣялась себѣ въ усъ, видя, какъ котъ грызеть отъ досады, глупый хвостъ изъ-за своей глупости. А котъ никакъ не могъ рѣшить, куда скрылась другая мышъ; присѣлъ, прилегъ надъ хвостомъ, вытянулся на спинѣ и, какъ клоунъ, сталъ подбрасывать хвостъ вверхъ и ловить его. Онъ былъ сытъ, выпался, такъ что сонъ уже не бѣжалъ къ нему. Лѣнтяй былъ онъ изрядный, а все-таки и изрядному лѣнтяю всѣмъ безъ дѣла бываетъ скучно!

Умная мышъ Авдотья за всѣмъ этимъ зорко наблюдала и про себя думала:

„Вотъ поди-ты, рассказать ежели нашимъ мышамъ,—вѣдь не повѣрятъ! такой страшный звѣрь, умный вѣдь,—и, дуракъ, забавляется мышинымъ хвостомъ! Ну-ну, дѣла! Пожалуй, онъ такъ меня долго будетъ тутъ манежить!“

А котъ все лежалъ и все подбрасывалъ, и все ловилъ хвостъ.

И вдругъ стало мышкѣ Авдотѣ такъ тяжело, такъ тошно смотрѣть, какъ забавляется мышинымъ хвостомъ котъ Василій, что она отчаянно пискнула:

— Мышиный хвостъ! — и стрѣлой бросилась въ знакомый ей уголь.

Котъ зачѣмъ-то три раза перевернулся ку-

баремъ словно сумасшедшій, но попалъ въ уголь уже тогда, когда старая мышь Авдотья въ подпольѣ, въ толпѣ своихъ подругъ, рассказывала про кота „Мышиный хвостъ“. И всѣ мыши смѣялись и повторяли:

— Котъ Мышиный хвостъ! Котъ Мышиный хвостъ!

Повторяла:— „Котъ Мышиный хвостъ!“ и безхвостая Матреша, а хроменькая мышка Елизарьевна сложила даже маленькій стишокъ:

У кота ли Воркота,
У кота ли Буркота
Было два хвоста...

— А что тамъ ни говорите, сестрицы-мышки, — перебила стишочницу старая мышь Авдотья,—а кота намъ за эти безобразія надо поучить... Ты насъ ѣшь, уродуй, а хвостами мышиными не играй!

— Ха-ха-ха!—засмѣялось все подполье,— Кота поучить! Хе-хе-хе! Кота поучить! А какъ ты это его поучишь?

— А очень то-есть просто! Подкараулить, когда онъ спитъ...

— Ну?..

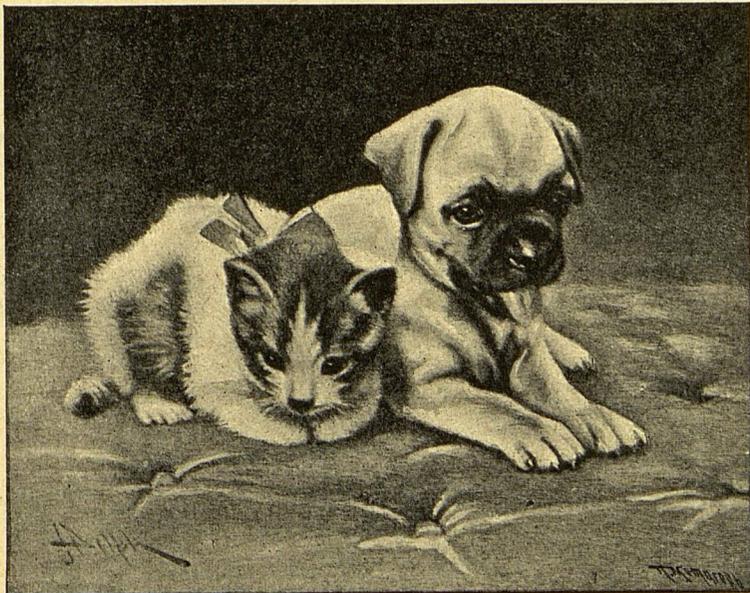
— Выбраться всему подполью разомъ, вцѣпиться въ его хвостъ и отгрызть его!

— Какъ это просто! Да пока ты зубами вопьешься, онъ тебя пополамъ перегрызетъ!

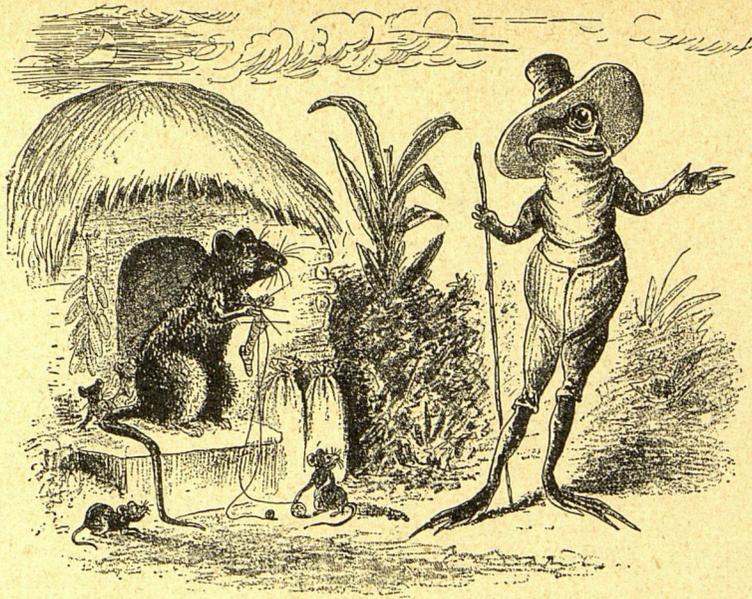
— Ну, всѣхъ - то не перегрызетъ! Пока онъ грызетъ одну, другую, третью, ему хвостъ-то и отбѣдятъ.

— Умна тоже, такъ тебѣ и будутъ ждать всѣ, когда онъ всѣхъ перегрызетъ... Просто разбѣгутся, а котъ можетъ быть теперь—при двухъ хвостахъ, а потомъ при трехъ и больше... Грызи да грызи мышинные хвосты да играй ими, коли сытъ. А котъ всегда сытъ... Это не мышъ трусливая, слабосильная! Вотъ что!..

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

„Пожалуйста, не трогайте насъ!..“

Въ своемъ кружкѣ.

Жиль въ болотѣ лягушонокъ,—
Межъ друзей, и горя мало;
А на берегѣ отлогомъ
Мышь-старушка проживала...
Натурально, они оба
Хорошо знакомы были,—
Часто видѣлись и дружбу,—
Дружбу нѣжную хранили...
Разъ купилъ себѣ Квакуля
Шляпу, палку да штанишки
И показывать обновки
Побѣжалъ скорѣе мышкѣ.
— „Ну, не правда ли,—сказалъ онъ,—
„Я похожъ на человѣчка,—
„И мордашкой я пріятень,
„Да и строень я, какъ свѣчка!..

„Мнѣ ужъ полно жить въ болотѣ,
 „Я сейчасъ отправлюсь къ людямъ,—
 „И отнынѣ въ вѣчной дружбѣ
 „Вмѣстѣ съ ними жить мы будемъ!..“

Мышь и лапкой замахала:

— „Что ты выдумалъ такое?..“

„Аль тебя тамъ не хватало?—“

„Насмѣшишь ты всѣхъ собою!..“

„Вотъ вѣдь невидаль какая—“

„Шляпа, палка да штанишки!..“

„Брось затѣи да живи-ка“

„У себя,—и дѣлу крышка!..“

Усмѣхнулся лягушонокъ:

— „Я слыхалъ неоднократно,
 „Что присутствіе лягушекъ
 „Людямъ дорого, пріятно...
 „Насъ они сажаютъ въ банку
 „И отъ банки не отходятъ,
 „Кормятъ, поятъ насъ, балуютъ,
 „Угождаютъ, глазъ не сводятъ!..
 „Мы жъ предсказываемъ важно
 „Имъ заранѣ погоду,—
 „Потому жара и холодъ
 „Создаются намъ въ угоду.
 „Захотимъ,—и будетъ жарко;
 „Захотимъ,—и дождь польется...
 „Да, ужъ аистамъ, конечно,
 „Больно солоно придется!..“

Только молвилъ,—изъ болота

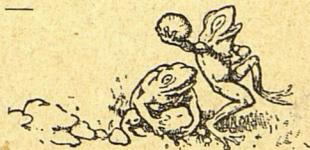
Аистъ съ важностью шагаетъ:

— „Что за шумъ здѣсь? Что такое?“—

Важно аистъ вопрошаетъ...

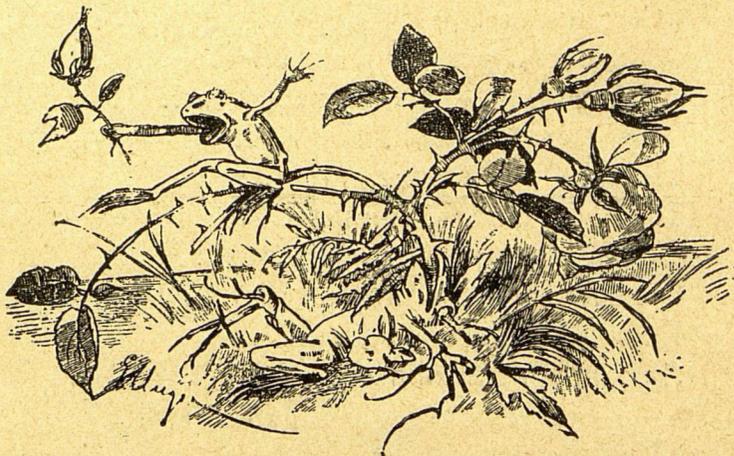
Лягушонокъ вскипятился:

— „Какъ ты смѣешь, длинноносый,
 „Молодому человѣку

„Предлагать о томъ вопросы?..“
 Добродушно усмѣхнулся
 Старый аистъ, — сытый, видно, —
 Осторожно своимъ клювомъ
 Взялъ, чтобъ не было обидно,
 „Молодого человѣка“,
 Окунуль его въ болото
 И сказалъ ему съ усмѣшкой:
 — „Бѣсть тебя мнѣ не охота!..
 „Хоть надѣнь ты сто штанишекъ,
 „Фракъ, жилетъ на-диво модный,
 „Шляпу новую, ботинки, —
 „Вообще все, что угодно, —
 „До людей еще далеко,
 „Съ человѣкомъ не сравняться, —
 „Быть имъ, милый, ты не можешь,
 „Можешь только имъ *казаться*.
 „Оставайся жъ у лягушекъ
 „И люби свое болото, —
 „Тамъ твой мѣръ, тамъ радость, горе,
 „Тамъ твой отдыхъ и работа!“

А. Доровъ.

Въ лѣсной глуши.